

А библиотека Лу Синьюаня исчезла в пламени войны. В ней хранилось 4 тысячи томов, 200 тысяч свитков и более 44 тысяч книг, которые сын Лу Синьюаня, потерпев неудачу в делах, продал за 120 тысяч юаней японской библиотеке Сэйкадо.

— Вернувшись из чужих земель, они не смогут сравняться с огнём Тайчэна или пеплом Цзяньюнь, чьи духи всё ещё охраняют родную землю, — так выразили своё возмущение литераторы того времени, узнав об этом.

Этот поступок нанёс огромный урон наследию Хуася.

Позже, после основания государства, сын Лу Синьюаня пожертвовал оставшиеся 1 тысячу томов и 14 тысяч книг библиотеке островного архива.

Чжуан Лигуаньчжу был одним из коллекционеров и ценителей печатей Лу Синьюаня, а сам Лу Синьюань был объектом восхищения Старейшины Чэня. Поэтому, когда тот увидел эту печать, никто не мог понять, насколько сильно он был взволнован.

Это также стало причиной, по которой Старейшина Чэнь так долго избегал встреч с Сюй Эром. С одной стороны, он хотел часто видеть печать, но с другой — его строгие моральные принципы не позволяли ему зариться на вещи, принадлежащие молодому человеку.

— Если бы старик Лу Синьюань знал об этом в мире ином, он бы точно умер от злости из-за своего расточительного сына. Продать кому угодно, но только не японцам! Любой другой выбор был бы лучше, — сказал Тан Цинъянь, услышав, что все эти книги теперь хранятся в Японии, и ему стало очень неприятно.

— Эх, в тех условиях, если бы они остались в нашей стране, возможно, они бы тоже исчезли в огне войны, — с сожалением добавил Старейшина Чэнь. — Возможно, именно поэтому старший сын Лу решил продать книги в Японию. Лучше за границей, чем сгореть.

Позже Старейшина Чэнь задумался и добавил:

— Когда-нибудь эти книги вернутся, — сказал Тан Цинъянь, хлопнув себя по колену, чтобы разрядить обстановку.

— У вас есть амбиции, молодые. Мы, старики, уже не справимся, так что это зависит от вас, — с улыбкой ободрил Старейшина Чэнь, выходя из прежнего настроения.

Когда Сюй Эр и Тан Цинъянь покинули дом Старейшины Чэня, было уже около трёх часов дня. Изначально они хотели задержаться подольше, чтобы послушать наставления старика, но тот выглядел уставшим, и они не решились оставаться.

Две печати теперь были в руках Сюй Эра. Изначально он хотел оставить печать Лу Синьюаня у Старейшины Чэня, чтобы тот мог наслаждаться ею, но старик отказался.

— Брат, эта печать — настоящая ценность. Планируешь оставить её себе? — вскоре после выхода спросил Тан Цинъянь.

Сюй Эр с недоумением посмотрел на него, не понимая, что тот имеет в виду.

— Наш аукционный дом охватывает семь стран Юго-Восточной Азии, и у нас очень мощные ресурсы. Как насчёт того, чтобы я сейчас зарегистрировал её для осенних торгов? Хотя осенний аукцион уже пропущен, но весенний точно подойдёт, и она станет главным лотом.

Поскольку Старейшина Чэнь отказался, Тан Цинъянь решил сам взяться за дело.

Сюй Эр покачал головой:

— Я хочу оставить её себе. Если она попадёт на аукцион, кто знает, в чьи руки она перейдёт.

Тан Цинъянь кивнул, соглашаясь с его аргументом.

— А как насчёт белой печати? Что ты планируешь с ней делать?

Сюй Эр странно посмотрел на него. Почему этот новый знакомый, Третий Брат Тан, всё время интересуется его вещами?

— Конечно, заберу домой. Возможно, когда-нибудь она пригодится.

Это была лишь отговорка. Сюй Эру очень нравилась эта белая печать, и он хотел оставить её себе.

Однако Тан Цинъянь неправильно понял его, решив, что Сюй Эр собирается использовать её для создания собственной печати.

Он удивлённо посмотрел на Сюй Эра. Неожиданно, что у такого молодого человека такие амбиции. Ведь в наши дни не у всех есть печати, а чтобы использовать такую ценную, нужно иметь репутацию, соответствующую её статусу.

Сюй Эру сейчас около двадцати лет, и уже такие амбиции. Неизвестно, это самонадеянность или уверенность в своих силах.

Внезапно Тан Цинъянь понял, что он совсем не знает своего нового друга.

— Время ещё есть, может, пойдём выпьем кофе? — Тан Цинъянь указал на кафе через дорогу, приглашая.

Сюй Эр подумал, что сегодня у него действительно нет дел. Чэнь Чжибэй утром ушёл по делам и сказал, чтобы его не ждали. Возвращаться домой одному было скучно.

— Хорошо, я редко пил кофе.

Это было тематическое кафе, снаружи всё выглядело обычным, но внутри царила атмосфера экзотики.

Тан Цинъянь был здесь частым гостем, и его сразу узнал официант.

— Третий Молодой Господин, добро пожаловать.

— Откройте мне Викторианский зал. Что сегодня посоветуете?

— Недавно привезли английский чёрный чай. В Викторианском зале пить его — идеальное сочетание.

— Тогда принесите его и немного закусок. А ты, брат Сюй, что хочешь? — Тан Цинъянь повернулся к Сюй Эру.

Сюй Эр с любопытством осматривал кафе, так как ему показалось, что он увидел знакомого.

— Э-э, что угодно. Я редко пью кофе и не очень разбираюсь в нём.

Пока они разговаривали, их проводили в Викторианский зал.

Викторианский зал был миниатюрной копией роскошной гостиной в стиле времён королевы Виктории.

— Тогда возьмём то же самое, — предложил Тан Цинъянь, видя, что Сюй Эр действительно не разбирается в кофе.

— Хорошо, пусть будет так.

— В наши дни немало людей, увлекающихся антиквариатом, но среди молодёжи таких мало. Сегодня мы встретились, и это судьба. Когда я был маленьким, я учился этому у дедушки, — Тан Цинъянь разговаривал с Сюй Эром, одновременно пытаясь выведать о нём больше информации.

— Не знаю, я недавно участвовал в чаепитии в Моду и познакомился с несколькими людьми моего возраста, — Сюй Эр сделал глоток так называемого английского чёрного чая и почувствовал, что он слишком насыщенный. — Я начинал с самообучения. Прадед моей бабушки оставил несколько записей об антиквариате. Позже я переехал в Моду и учился у своего дяди.

— Это семейная традиция, впечатляет, — Тан Цинъянь поднял брови. — Кстати, откуда ты родом? По акценту, похоже, из Центрального Китая.

Сюй Эр кивнул:

— Из провинции Г. Я из горной деревни, очень отдалённой, с единственной горной дорогой, окружённой фруктовыми деревьями. Называется Деревня Кошачье Ухо.

— Деревня Кошачье Ухо? Интересное название. Есть какая-то история?

Тан Цинъянь показалось, что он где-то слышал это название, но не мог вспомнить.

— Потому что форма деревни напоминает кошачье ухо, — объяснил Сюй Эр. Он когда-то спрашивал об этом Второго Дедушку Сюй Дунляна.

— Мой Второй Дедушка ещё и деревенский староста.

— Кажется, брат, ты из семьи чиновника, — Тан Цинъянь, пивший чай, чуть не поперхнулся.

— Это смешно? Это меня научил Бэйцзы. Он сказал, что если не знаешь, о чём говорить, нужно сказать это, и вся неловкость исчезнет, — Сюй Эр почесал голову, смущённо объясняя.

— Не скажи, это действительно помогает снять напряжение. Отличный приём, можно использовать, — Тан Цинъянь оценил этот анекдот.

— Но ты тоже молодец, уже учишься в аспирантуре. Кстати, брат, сколько тебе лет, и когда ты поступил в университет?

— Двадцать один. Сначала я не очень хорошо сдал гаокао, потом переехал в Моду, и мой дядя записал меня в вечернюю школу, где можно получить диплом.

Сью Эр честно объяснил это.

— Значит, ты самоучка. Впечатляет.

К этому моменту из-за тёплого воздуха в кафе обоим стало жарко, и они сняли куртки.

<http://bllate.org/book/16299/1470477>